

Октября 17 (30)

Священномученик

Александр (Щукин) архиепископ Семипалатинский

Архиепископ Александр Щукин родился в 1891 году в Риге в семье священника о. Иоанна Щукина и рабы Божией Елизаветы. Дед его – Василий Щукин – служил диаконом в Риге, отец окончил Московскую Духовную академию, был рукоположен во священника и преподавал Закон Божий в Рижской семинарии, епархиальном училище и гимназиях; кроме того, на него была возложена обязанность преподавания латинского и греческого языков.

У о. Иоанна и Елизаветы было семеро детей. Дочь о. Иоанна вспоминала, что отец любил детей, но не баловал их и не потакал их слабостям, опасаясь, что иначе из них вырастут плохие христиане. Но он и не понуждал их насильно к исполнению молитвенных правил, хотя сам все свое свободное время отдавал молитве. Также и жена его Елизавета, если выдавалось свободное время, спешила в храм. Дети о. Иоанна с удовольствием играли, лишь один Александр не принимал в играх участия. Он рос тихим, скромным, послушным и никогда не претупал воли родителей. Пока братья и сестры играли, он запирался в комнате отца и молился. Когда братья начинали шуметь, он выходил и останавливал их:

– Так нельзя, потише, пожалуйста.

Он не был от природы угрюмого нрава, но сердце его было расположено подражать древним подвижникам, для которых смех был выражением дерзости и греховной нечистоты. Он хотел быть священником.

Александр учился в Московской Духовной академии, которую окончил в 1915 году.

С началом первой мировой войны о. Иоанн переехал вместе с семьей в Нижний Новгород, куда к нему после окончания академии приехал сын Александр и поступил преподавателем в Нижегородскую семинарию.

Наступил 1917 год, для Православной Церкви пришел час испытаний. Как испытываемое огнем золото, Церковь выковывалась в огне мирской злобы и мятежей.

Александр стал просить отца благословить его на монашеский подвиг. Отец Иоанн сомневался, выдержит ли Александр крест иночества в такое мятежное время, когда все церковное попирается и уничтожается. Помолившись, отец благословил его ехать в Троице-Сергиеву Лавру. Постриг он принял с именем преподобного Александра Свирского.

В 1918 году Нижегородские власти арестовали о. Иоанна. Полгода пробыл он в заключении, заболел, был отпущен и пришел домой едва живым. После освобождения о. Иоанн стал служить в селе Лысково, и вскоре к нему приехал его сын.

Некоторое время отец и сын служили вместе, пока в 1923 году иеромонах Александр не был вызван в Москву для принятия архиерейского сана. 23 августа 1923 года он был хиротонисан во епископа Лысковского, викария Нижегородской епархии.

Во время его отсутствия о. Иоанн тяжело заболел воспалением легких. Зная, что умирает, он ждал сына, чтобы тот напутствовал его перед смертью.

И как прежде, так и теперь, владыка Александр спешил исполнить пожелание отца. Владыка прибыл накануне его смерти. Отец Иоанн был в сознании, и владыка долго беседовал с ним, а затем напутствовал его Святыми Тайнами.

Первой службой вступившего на кафедру епископа была заупокойная всенощная и литургия по новопреставленному отцу. Похоронили о. Иоанна рядом с храмом, где он служил.

Не напрасно Александр был облечен саном. Он был прекрасным проповедником и добрым наставником. Сам более всего почитавший монашеское житие, многоскорбно собирая в душу тепло благодати, он в этом духе наставлял и своих духовных чад. Некоторых он посылал в Дивеево, а затем, если они выказывали расположение к иноческой жизни, давал на то свое благословение. Служил он в Макарьевском монастыре. Часто ездил помолиться в монастырь Старые Мары, где была чтимая икона Троеручицы. В Лыскове его посещал епископ Варнава, принявший к тому времени подвиг юродства.

В Макарьеве владыка Александр организовал преподавание Закона Божия детям десяти-тринадцати лет. Продолжалось это около года, а затем было запрещено властями.

В сентябре 1927 года на шестьдесят втором году жизни тяжело заболела мать святителя. Владыка ухаживал за ней и присутствовал при ее кончине. Перед смертью она сказала:

– У меня открылись глаза, и я ясно вижу небо. Как там светло... В 1929 году, в день памяти Архистратига Божия Михаила, власти арестовали епископа Александра и отправили в нижегородскую тюрьму, где собрано было тогда почти все нижегородское духовенство.

На допросе у следователя епископ Александр отвечал:

– Проповеди я говорю каждое воскресенье на темы Священного Писания... и иногда в защиту религиозных истин, оспариваемых современниками. Произнесение проповедей и выступление в защиту истины вызывалось стремлением найти истину в вопросах, соприкасающихся с религией, в которых я предоставлял доказательства учения православно-христианского по этим вопросам... Иногда выступал в проповедях против безбожия.

(Беседуя о современном безбожии, епископ говорил, что разрушать монастыри и храмы могут лишь люди, лишённые человечности, не верующие в вечную жизнь, да и в земной жизни мало что предполагающие построить).

Ответы епископа вызвали, по-видимому, недоумение у следователя, и на следующий день владыка написал пояснение: «Вопросами, оспариваемыми современниками, я назвал в своих показаниях вопросы христианской апологетики, а именно: о конечности мира, происхождении человека через творение его Богом, об исторической действительности христианства, о бессмертии души. А вопросами, соприкасающимися с религией, я назвал научные теории, касающиеся перечисленных выше истин религии. Целью, с которой я говорил такие проповеди, было найти истину в научных теориях и доказать пасомым правильность православно-христианского вероучения в этих вопросах. Вопросов политической, общественной и социальной жизни я в своих проповедях не касаюсь».

В тюрьме ему обещали свободу, если он перестанет говорить проповеди.

Он не согласился.

– Я поставлен проповедовать и не могу отказаться, – сказал архиерей. Следователи били его и пугали, на все святитель отвечал спокойно и кротко:

– Тело мое в вашей власти, и вы можете делать с ним, что хотите, но душу свою я вам не отдам.

Он был помещен в камеру к священникам. Истинный молитвенник и подвижник, он и здесь подолгу молился, понуждая к истовой и неленивой молитве и всех насельников камеры, многие из которых, попав в тесные обстоятельства тюрьмы ГПУ, начали уже унывать.

После ареста епископа его сестра Елизавета ездила в Москву к прокурору Вышинскому – хлопотать о брате, чтобы его или освободили, или отправили в ссылку за свой счет, так как у него больное сердце.

– Вы не по адресу обратились, – отвечал Вышинский, – вам нужно обращаться в Красный Крест. Что касается заключения, то владыка Александр арестован за проповеди и будет отправлен на три года в Соловки.

11 января 1929 года следствие было закончено. Епископа обвинили в том, что он «как идейный противник Советской власти, путем произнесения проповедей с антисоветским уклоном, прививал свои контрреволюционные убеждения населению и в единоличных беседах вел откровенную антисоветскую пропаганду на темы «о бесчинстве коммунистов-безбожников...» Имея преданных ему монахов и монахинь... Давал им указания, как бороться с безбожниками... рассылал их по селам и деревням как миссионеров, не останавливаясь перед открытой борьбой с культурными учреждениями государства¹... Руководствуясь положением об органах ОГПУ в части административных высылки и заключения в концлагерь, утвержденного ВЦИКом от 28/1 II-24 года и объявленного в приказе ОГПУ за № 172 от 2/IV-24 года... дело... передать в Особое Совещание... для вынесения приговора во внесудебном порядке...» 26 апреля 1929 года Особое Совещание приговорило епископа к трем годам заключения в концлагерь, которое он должен был отбывать в соответствии с приказом по ОГПУ относительно мест содержания духовенства – на Соловках.

В Соловецком лагере епископ работал сначала сторожем, а затем бухгалтером.

Когда закончился срок заключения, власти в Нижегородскую епархию его не пустили, и он получил назначение в Орел, куда прибыл в день памяти Архистратига Божия Михаила. В Орле он был возведен в сан архиепископа.

Церковь тогда подвергалась беспощадным гонениям, православных арестовывали и расстреливали. Посещать храмы становилось опасным, это рассматривалось как государственное преступление. Страх быть арестованным охватывал все больше людей. Церкви пустели. Владыка стал проповедовать, и храмы начали заполняться народом.

Видя оживление религиозной жизни в городе, чекисты стали подыскивать обвинение против архиепископа. Однажды под вечер к нему пришел человек и сказал, что власти решили обвинить архиепископа в поджогах в городе. Уже есть лжесвидетели, все обвинение готово. Если он в эту ночь не уедет, то будет арестован. Архиепископ уехал в Нижегородскую область и поселился в селе Семеновском, где прожил полгода.

¹ Имеются в виду его блистательные выступления" на диспутах против невежественных безбожных лекторов.

В конце 1936 года владыка получил назначение в Семипалатинск. Архиерейские кафедры пустыли, архиереев одного за другим поглощали тюрьмы.

Сестра Елизавета писала ему в Семипалатинск:

– Уйди на покой, приезжай ко мне в Лысково, пересидишь.

– Как бы я вас ни любил, – отвечал архиепископ, – но я не для того взял посох, чтобы его оставить.

В августе 1937 года архиепископ был арестован. Он в последний раз благословил своих духовных детей, свидетелей ареста. Следствие в те годы было пыточное, и многие ради избавления от страданий давали любые показания. Архиепископ держался мужественно, не соглашаясь и не подписывая ни одно из навязываемых ему обвинений. Его обвиняли в шпионаже и в контрреволюционной агитации – архиепископ решительно все отвергал. Спрашивали о знакомых, он отказался их называть. Показаний не набралось ни на один протокол допроса, а сроки, отпущенные следователям, подходили к концу. В самый день постановления Тройки УНКВД 28 октября 1937 года следователь Барабанщиков провел последний допрос.

Архиепископ Александр (Щукин)

– Вы являетесь членом и руководителем церковной контрреволюционной шпионской организации. Дайте показания...

– Членом контрреволюционной организации я никогда не являлся и в этом обвинении виновным себя не признаю, – отвечал архиепископ.

– Вы лжете. Вы давали установки руководителям филиалов контрреволюционной организации в развертывании контрреволюционной работы...

– Никаких установок по развертыванию контрреволюционной работы я не давал.

– Как член контрреволюционной организации вы проводили активную контрреволюционную агитацию среди населения, прекратите запирательство и дайте показания о вашей контрреволюционной деятельности.

– Никакой контрреволюционной агитации я среди населения не проводил и в этом виновным себя не признаю, – спокойно ответил владыка.

Все это следователь вынужден был записать. В тот же день архиепископ был приговорен к расстрелу.

Через два дня, 30 октября 1937 года, архиепископ Александр был расстрелян.

Всем близким, кто интересовался судьбой владыки, власти отвечали, что он сослан на десять лет без права переписки, а через десять лет ответили без уточнения места и времени, что он умер в лагере.

Священник Казанского храма в Лыскове объявил, что будет отпевание скончавшегося в заключении архиепископа Александра Щукина.

Многие помнили святителя, и народу собралось такое множество, что храм не мог вместить всех желающих. Большая часть пришедших стояла на улице.

Послушница Анна сделала небольшой гроб, туда положила четки святителя, крест и Евангелие.

После отпевания народ молитвенно попрощался с архиепископом, а затем состоялся крестный ход вокруг храма. Впереди, подняв гроб на плечо, шел священник, а хор и весь народ пели: «Волною морскою...»

Иеромонах Дамаскин (Орловский)

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия

Российской Православной Церкви XX столетия.

Жизнеописания и материалы к ним. Книга 1»

Тверь. 1992. С. 155-160